

Я жила со своей старшей сестрой в помещении заброшенного завода. Аня говорила, что это был завод.

У нас было окно, которое выходило на руины и другое окно с видом на обрыв и реку далеко внизу. В первое окно был виден краешек леса. Здесь недалеко была кухня, Аня иногда ходила туда, всегда одна, и мы питались консервами. Иногда мы выходили вместе через первое окно и ходили по заводу. Здесь было много всяких балок и панелей, которые лежали хаотично. Я лазила и прыгала по ним, а Аня всегда нервничала. Аня помнила то время, когда было много людей, и потом, когда разверзлись небеса и пришли даны.

Данов я видела всего один раз. Они двигались рядом по другой стороне ущелья прямо на фоне горизонта, какие-то приземистые и маленькие. Аня прижала меня к себе и зажала мне рот. Мы лежали на полу, и я слышала, как колотится ее сердце.

Раньше рядом с нами в соседней комнате жили еще люди: Макс и его отец, имя которого я забыла. Мы ходили с ними искать еду и вообще много времени проводили вместе.

Макс был немного постарше меня, и когда я подросла, Аня и отец Макса решили, что нам нужно иметь детей. Никто мне не говорил, что это такое, и я не возражала. Нам обоим рассказали, что делать.

Мы были одни. Мы разделись и поцеловались. Мне это не понравилось. Потом он вошел в меня, подергался и кончил. Мне было как-то противно, противна была сама идея, что он засунул в меня свой орган и брызнул чем-то.

Все ждали около месяца, после чего Аня сказала, что ничего не вышло. Нас свели еще раз. В этот раз мне понравилось.

Через месяц снова не было никаких признаков, и Аня решила, что, если и может вообще что-то получиться, то надо подождать, а через пару месяцев Макс и его отец ушли за едой и не вернулись. Мы ходили их искать, но ничего не нашли.

С момента нашего с Максом второго раза меня словно взорвало. Я очень хотела его снова, и стала регулярно мастурбировать. Я делала это прямо в штанах, но потом для удобства стала их снимать. Я не видела причин стесняться Ани, и мастурбировала прямо при ней, обнажая свой низ. Она либо смотрела на это безучастно, либо вовсе не обращала внимания. Она всегда была очень серьезной и отрешенной.

Однажды утром Аня разбудила меня бешеным криком:

— Беги! — кричала она. — Спускайся в овраг! — Я увидела, что со стороны первого окна что-то бежит прямо к нам. Оно было большое и выпрямленное, как человек, но бежало на четырех ногах, еще я помню его огромные плечи, на которых тело как будто заканчивалось. Оно было огромное, намного больше человека. Мне не надо было убегать, не надо было бросать Аню, но я тогда ничего не поняла.

Я вылезла через окно и оглянулась. Аня залезла на косую балку, которая висела посреди нашей комнаты и закричала на него. Дан почти поравнялся с первым окном. Я юркнула вниз и принялась спускаться со склона. Земля скользила подо мной, я потеряла один ботинок. Я карабкалась вперед, потом спускалась вниз, переплыла ручей и поднялась на другой склон. Дан высунулся из окна и смотрел на меня. Мне было жутко. Я оборачивалась, пока он не скрылся за горизонтом вместе с руинами завода, потом я побежала.

Я бежала через поле, наступая на муравейники. Муравьи кусали мои ступни, а я плакала навзрыд. Там я потеряла другой ботинок, и бежать казалось теперь невыносимым.

Я дошла до небольшого леса и спряталась в кустарнике. Прележав там несколько часов, я встала и побрела через лес. Я нарвала там каких-то ягод и рассовала их по карманам.

К вечеру я перестала бояться погони. Я дошла до каких-то бетонных руин, залезла внутрь и спряталась там под лестницей, за большими железными бочками. Я лежала на полу, свернувшись калачиком. Было жестко и ужасно холодно, но я уснула.

Утром, когда уже рассвело, меня разбудили чьи-то голоса и шаги. Я осторожно выглянула из-за бочки и увидела троих человек в поношенной бесцветной одежде: мальчик лет и две девочки, одна постарше, другая помладше. Мальчик заглянул за бочку и громко сказал:

— Вот она!

Я перепугалась, наверное, сильнее, чем вчера. Подскочив, я пробежала мимо них и устремилась в поле. Я оглянулась и увидела, что они гонятся за мной. Сердце мое облилось страхом.

Я бежала через поле, как заяц, потом вдоль реки. Я оторвалась от них, когда увидела впереди небольшую рощицу. Это были высокие березы. Туман сегодня стелился низко, и кроны берез скрывались в нем. Я быстро залезла на одно из деревьев, прижалась к ветке и затаилась.

Когда они вышли из-за холма, парень сразу показал на меня пальцем. Я чуть не умерла от страха. Они подошли, принялись раскачивать дерево и кричать на меня.

— Слезай, сучка — кричал парень. — Слазь, пока не разбилась!

— Что тебе от меня нужно? — крикнула я. Они перестали качать.

— Трахнуть тебя!

Я внимательно взгляделась в него. Мой страх вдруг совершенно прошел. Парень был симпатичным, хотя и очень грязным.

— А есть меня не будете?

— Нет! Слезай!

Я слезла и встала перед ним. Я не знала, что делать. Я сняла рубашку и трусы. Он толкнул меня в плечо, и я легла. Он тоже лег и навис надо мной.

Он поцеловал меня, и я возбудилась. Потом он потрогал мои соски и промежность. Он вошел в меня, это было очень тепло и приятно, потом вынул и кончил мне рот. Девочки сидели рядом. Старшая смотрела с интересом, а младшая напротив не обращала на нас никого внимания и ковыряла пальцем свою босую грязную ступню.

Мальчика звали Дан. Свое странное имя он объяснил тем, что когда-то он убил дана, во что я, конечно, не поверила. У него были светлые волосы и небольшие мускулы.

Они жили в здании фермы, в которой я ночевала в первый день после побега от дана. Я стала жить с ними. Спали мы в едва теплом погребе, где было какое-то старое тряпье, заменявшее нам постель. Девочки спали, обнявшись с ним. Меня они к нему не допустили. Окончательно вымерзнув к середине ночи, я прижалась к его пахнущим грязью ногам.

Дан был не просто главным, он единственный что-то решал. Девочки слушались его во всем. Питались подростки консервами, которые девочки добывали в окрестных руинах. Они ходили туда только в погожие дни и только вместе, а с момента моего появления — втроем со мной. Сам Дан никуда не ходил, он лишь изредка прогуливался вокруг фермы. Он вообще почти ничего не делал. Мы сами вскрывали консервы, стирали иногда его и свою одежду в реке. Одежда Дана состояла из коротких джинсов и большой клетчатой рубашки.

Девочки были его сестрами. Старшую звали Стелька, младшую Пипетка. Эти имена дал им Дан. Стелька помимо сестры Дана была его любовницей, он сношался с ней два раза в сутки. Она была неопределенной внешности, темнее брата, с небольшой плотной грудью, довольно широкими бедрами и всеми прочими признаками взрослой женщины. Она видимо приелась Дану, и он относился к ней холодно, хотя она и была главной среди девочек. Одеждой для Стельки служили полосатая рубашка, трусы и длинная клетчатая юбка.

Стелька сразу невзлюбила меня. Она называла меня сука, и скоро все стали так меня звать. Она не подпускала меня к Дану ночью, днем часто плевала мне прямо в лицо и говорила Дану, что меня не нужно кормить и вообще меня нужно выгнать. Он молчал. Когда он был не согласен, он просто молчал, потому что ему не требовалось доказывать свое мнение.

Пипетка была самая светленькая, почти белесая. Она единственная из всех не носила трусов. Единственной ее одеждой была безразмерная посеревшая от времени футболка, которая покрывала ее ниже бедер. Впрочем, сидя, она всегда открывала свою промежность на обозрение и часто обмахивала ее подолом футболки, чтобы освежить. Пипетка почти не разговаривала, ко мне она относилась равнодушно. Дан не совокуплялся со своей младшей сестрой, и вообще она, кажется, была девственницей. Лишь иногда он трогал ее соски и гладил рукой промежность. Пипетке это нравилось. Иногда она сосала его член, но, в отличие от старшей, не умела доводить брата до оргазма. Она любила член Дана и ночью обычно прижималась к нему лицом. Сойдясь со мной или со Стелькой, Дан часто кончал Пипетке в рот.

Дан также был единственным, кто имел обувь. Он носил большие коричневые ботинки. Часто, когда его ногам было жарко, он ходил босиком. У нас, девочек обуви не было. Стелька и Пипетка имели толстую шершавую корочку на ступнях. Вначале мне очень тяжело было ходить без обуви. Из-за этого я не могла идти вровень со всеми, когда мы выступали на вылазку за продуктами. Стелька всегда кричала на меня и пару раз даже немного побила. Впрочем, корочка на моих ступнях со временем начала нарастать. Сначала ступня потемнела, потом стала грубеть.

Мое прижатие к ногам Дана во время сна, кажется, определило мое место. Стелька мастерски умела удовлетворять Дана. Она умела сжимать внутренние мышцы и могла долго и ритмично работать ртом и языком. У меня все это получалось плохо. Поэтому, хотя Дану явно больше нравился мой внешний вид, он чаще всего сношал Стельку. Меня он с подачи Стельки называл Сукой. Это стало моим именем, оно произносилось им без злобы, иногда даже ласково. Сука должна была быть у его ног. Дан, имевший обувь, обладал нежными ярко-розовыми ступнями. Если ноги девочек пахли только пылью, то его ноги сильно воняли потом. Моей главной задачей было лизать его ноги. Мне не было особо противно, потому что его член, который сосали все, пах не лучше.

На самом деле у нас была масса свободного времени. В дождливую погоду мы сидели в помещении, но если было тепло и солнечно, мы обычно находились на улице. Как правило, это выглядело так. Дан сидел на земле, оперевшись спиной на старый матрас. Стелька полулежала, прижавшись к его руке или торсу. Пипетка лежала или сидела рядом. Я лежала или сидела в его ногах и гладила их. Ближе к вечеру он начинал хотеть, и мы удовлетворяли его. Он сношался со Стелькой или реже со мной. Пипетка иногда сосала ему и почти всегда принимала в рот его сперму. Маленькая молчаливая Пипетка имела еще одну особенность. Не получая должного внимания от брата, она часто и неумно мастурбировала. Конечно, как

и все остальное, она делала это в открытую. Мы вообще все делали в присутствии друг друга. В погребке, где мы спали, нельзя было писать. Обычно мы писали рядом с фермой. Ходить по большому полагалось в кусты подальше. Пипетка почти всегда мастурбировала, глядя на брата. Мастурбировала она, сидя, задрав футболку и широко раскинув свои тоненькие длинные ноги. Она предварительно облизывала пальцы, чтобы они стали чище, потом терла клитор и засовывала пальцы внутрь. Иногда она совала пальцы в попу. Дан в этот момент иногда сам вставлял девочке палец в попу, что ей очень нравилось. Через непродолжительное время она кончала небольшой струйкой. Я тоже иногда мастурбировала, особенно после соития с Даном.

Напротив, Стелька, будучи вместе с Даном, не испытывала удовольствия, казалось, даже почти не возбуждалась. Она настолько сосредоточилась на выполнении указаний своего жожака, что даже не задумывалась о собственных потребностях. Я заметила это и решила помочь себе наладить с ней отношения. Ее ненависть была, наверное, единственным, что мне тогда действительно мешало.

Во время вылазки за едой мы могли уходить далеко. Рядом с фермой была река и много открытого пространства. Чуть дальше местность повышалась, и река приобретала крутые берега, поросшие редким лесом. За этим лесом снова начиналось поле, усеянное руинами зданий. Здесь, в основном в погребках, мы находили консервы. Собрав достаточно большое количество консервных банок в пыльный матерчатый мешок, мы обычно отдыхали перед обратной дорогой.

Однажды во время такого привала мы были в полуразрушенном доме. Стелька сидела на полу, опершись на стену и вертела в руках небольшой круглый предмет, какие часто находились в руинах и были совершенно бесполезны. Пипетка сидела рядом и ковыряла свою черную ступню. Здесь сохранился второй этаж. Я осмотрела его, не нашла ничего ценного и спустилась вниз.

Я замерла рядом со Стелькой на пару секунд, а потом легла на пол и прильнула губами к ее ногам. Она вздрогнула от неожиданности и молча смотрела на меня. Я поднялась выше, обликала ее ноги и уткнулась губами в ее трусы. Она оттолкнула мою голову рукой, очень резко и грубо. Тогда я снова прильнула к ее ступням, взяла в рот пальцы на ноге и обликала их. Она замерла, я быстро переместилась выше и, приспустив ее трусы, впила губами и языком в клитор.

Она немного толкнула мою голову, но я не прекратила, и она вдруг ахнула и дернулась всем телом. Я исподлобья посмотрела в ее лицо. Она зажмурилась и тяжело дышала. Я усердно втягивала губами ее клитор и теребила его языком. От ее вульвы пахло потом и прелостью. — Нет! — сказала она и оттолкнула меня.

Я села. Пипетка смотрела на нас с интересом. Стелька вдруг сняла с себя трусы. Она легла на живот, задрала попу и откинула свою юбку. Я поняла, что она хочет, встала на четвереньки, обхватила руками ее колени и погрузила губы между ее ягодиц.

Я лизала ее задницу, ее сфинктер медленно сокращался. Во рту и в носу у меня стоял запах грязи и едва уловимый запах дерьма. Она сунула между ног ладошку и терла пальцами клитор. Потом она кончила и повалилась на пол в изнеможении.

С этого дня я почти каждый день лизала ей попу, пока она мастурбировала. Дан воспринял это совершенно равнодушно. Скоро она разрешила мне лизать клитор, я делала это хорошо и каждый раз быстро доводила ее до оргазма. С этого момента она перестала унижать меня, и

через некоторое время мы сдружились.